

УДК 340.12
ББК 67.022.155

DOI 10.25724/VAMVD.CHIJ

К. Б. Донцова

О ПОНЯТИИ, СОДЕРЖАНИИ И СТРУКТУРЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА

Целью настоящей статьи является формирование определения понятия материального права, описание его сущностных черт, специфики предмета регулирования, а также теоретическое моделирование структуры материально-правового блока. Основным методологическим подходом исследования избран системно-структурный анализ. Определяется сложная функциональная структура материального права, указывается ряд его сущностных черт, дается его авторская дефиниция. Структуру материального права предлагается рассматривать в двух срезах: отраслевом (предметном) и функциональном. На основе функционального анализа в структуре материального права выделяются три подгруппы норм: регулятивные нормы материального права первичного характера, устанавливающие отправные правовые начала, права и обязанности участников материальных регулятивных правоотношений; охранительные нормы права материального содержания, предусматривающие основания и меры юридической ответственности за нарушение первичных регулятивных норм материального права; организационно-процедурные нормы материального права, устанавливающие организационные начала и отдельные процедуры реализации регулятивных материально-правовых предписаний первичного характера. Критикуется позиция, согласно которой организационно-процедурные нормы права регулятивного характера ошибочно включаются не в материальное, а в процессуальное право.

Ключевые слова: система права, материальное право, функциональная структура материального права, организационно-процедурные нормы права.

C. B. Dontsova

ABOUT THE CONCEPT, CONTENTS AND STRUCTURE OF THE SUBSTANTIVE LAW

The purpose of this article is to form the definition of the concept of material law, the description of its essential features, the specifics of the subject of regulation, as well as the theoretical modeling of the structure of the material-legal unit. The main methodological approach of the study is system-structural analysis. The complex functional structure of material law is determined, a number of its essential features are indicated, and its author's definition is given. The structure of substantive law is proposed to be considered in two main sections: branch (subject) and functional. On the basis of functional analysis in the structure of substantive law there are three subgroups of rules: the regulatory norms of substantive law of primary character, establishing the starting legal principles, the rights and obligations of participants of material regulatory legal relations; the protective rules of substantive law, providing the grounds and measures of legal liability for violation of primary regulatory norms of substantive law; organizational and procedural rules of substantive law, establishing organizational principles and separate procedures for the implementation of regulatory substantive regulations of primary nature. The position is criticized, according to which the organizational and procedural rules of the law of regulatory nature are mistakenly included not in the material, but in the procedural law.

Key words: system of law, the substantive law, the functional structure of the substantive law, organizational and procedural rules of law

Совершенствование и развитие норм материальной подсистемы российского права неизбежно вызывает соответствующие изменения и в процессуальном праве, призванном во многом обеспечить надлежащую реализацию и защиту

материально-правовых предписаний. Однако модернизация обозначенных наиболее крупных подсистем российского права осуществляется далеко не всегда последовательно и планомерно, что часто вызывает состояние их существенного

дисбаланса и создает реальную угрозу нарушения правопорядка в обществе. До настоящего времени материальное право и материально-правовые нормы не подвергались обстоятельному самостоятельному исследованию в общей теории права.

Дифференциация таких юридических явлений, как отрасли права, правоотношения, юридические факты, нормативные правовые акты на материальные и процессуальные носит объективный характер, причинно-следственное объяснение которому кроется внутри системных функциональных связей правовой системы общества и в предметной сфере самого процесса правового регулирования. Другими словами, деление права и иных правовых явлений на материальные и процессуальные не чисто умозрительная конструкция, оно имеет практически-прикладное значение, которое признается абсолютным большинством специалистов в области правоведения.

Понятие «материальность» можно распространить на любое правовое явление ввиду его участия в том или ином качестве в процессе правового воздействия на общественные отношения. Однако подобное использование термина «материальный» в теории права не имеет столь существенного значения, какое, напротив, заложено в понятийную конструкцию «материальное право» в рамках категориальной дихотомии «материальное и процессуальное право». В самом общем виде научное понятие «материальное право» призвано отразить относительно обособленную единую систему норм права, непосредственно регулирующих наиболее важные сферы социальной жизни. Кроме того, в систему материального права включаются и охранительные нормативно-правовые предписания, обеспечивающие действие регулятивных норм. В данном случае не подлежит сомнению, что материальными являются уголовные и административные нормы права, устанавливающие основания и меры юридической ответственности за совершение соответствующих правонарушений.

Именно нормы материального права закрепляют основы общественного и государственного строя страны, устанавливают формы собственности, материальные способы и гарантии защиты права, праводеееспособность субъектов, их права и обязанности, правовое положение имущества, учреждают порядок образования и структуру органов государственной власти, предусматривают основания и систему

мер ответственности за правонарушения, организационно-правовые формы создания юридических лиц и т. д. Предметом регулирования материального права выступают значимые государственно-управленческие, имущественные, личные неимущественные, финансовые, трудовые, жилищные, семейные, экологические и иные отношения. Фактическое содержание перечисленных общественных отношений составляет необходимую объективную основу для наименования норм права, их регламентирующих. Материальное право преимущественно функционально направлено на установление в рамках правовой системы первичных взаимных прав и участников общественных отношений.

В юридической литературе материальной составляющей системы права незаслуженно уделяется недостаточное внимание в том отношении, что отсутствует развернутое определение понятия материального права, описание его сущностных черт, специфики предмета регулирования, не представлена в общетеоретическом плане собственная структура материально-правового блока. При этом имеется суждение о том, что «общая теория права в ее нынешнем состоянии индифферентна к различиям материального и процессуального права при оценке правовых явлений, и в большей мере ее можно считать «теорией материального права» [1, с. 18]. Парадоксальность ситуации в теоретическом осмыслении материального права состоит в том, что, по сути, в отечественной юридической науке презюмируется его определяющий характер в системе права, а также теоретическая ясность его содержания и специфики в отношении взаимодействия с процессуальным правом. В результате материальное право как объект самостоятельного правового исследования фактически не представлено в научных публикациях.

Е. Г. Лукьянова справедливо обращает внимание на полное молчание в теории права по вопросу о критериях отнесения той или иной отрасли к материальному праву, самом понимании «материальной отрасли права». Законодательное обособление уголовного и уголовно-процессуального права, гражданского и гражданско-процессуального права дало повод правоведам не затруднять себя дополнительным обоснованием самостоятельной сущности материально-правового блока в системе права. В сложившейся ситуации общая теория права остается без надлежащего раздела знаний о материально-правовой составляющей. Е. Г. Лукьянова

следующим образом характеризует столь удивительное положение вещей в отечественном правоведении: «Понятие „материальной отрасли права“ в системе права вообще не фигурирует. О материальном праве, материальной норме, материальном правоотношении говорят только тогда, когда надо отделить и не смешивать их с процессуальным правом, процессуальной нормой, процессуальным правоотношением. Гражданское право само по себе никто не называет „материальным“, не называют „материальным“ само по себе колхозное, трудовое, земельное и другие отрасли права. Такого наименования нет ни в одном из существующих изложений системы нашего права, нет его и в заглавиях учебников по соответствующим отраслям права, нет его в законодательных актах. Необходимость в дополнительном эпитете „материальное“ появляется только при обращении к процессу» [2, с. 57].

По вопросам понятия, содержания и структуры материального права практически отсутствуют специализированные научные изыскания как общетеоретического, так и отраслевого характера. В отдельных публикациях проблема природы материальной составляющей системы права обсуждается лишь попутно при анализе иных вопросов, что свидетельствует о существенном пробеле в теоретико-правовом знании.

В общей теории права о материальной составляющей упоминают лишь для указания самого факта деления права на материальное и процессуальное и не более того. Суть подобных высказываний ограничивается, как правило, одним или двумя утверждениями общего свойства. Примером может служить верное, но весьма общее утверждение С. В. Полениной, охарактеризовавшей соотношение норм материального и процессуального права следующим образом: «Первые определяют правовой статус субъектов будущих процессуальных отношений, условия и основания возникновения таких отношений. Способ разрешения спорных ситуаций при реализации норм материальных отраслей права устанавливается процессуальными отраслями» [3, с. 8].

Д. М. Азми, обращаясь к проблемам структуры права, также ограничивается самой общей формулировкой: «Материальное право составляют правовые нормы, регулирующие непосредственно, в собственном смысле слова, правила поведения лиц (складывающиеся именно в ходе самой основной составляющей социального взаимодействия, т. е. независимо от процедурных аспектов их реализации,

практического воплощения). Оно представлено посредством именно управленческих, имущественных и личных неимущественных (гражданских — в узком смысле данного слова), трудовых, семейных, образовательных, охранительных (также в „зауженном“ значении), иных правовых отношений такого же порядка» [4, с. 27].

В работе Р. В. Шагиевой материальное право предстает как комплекс правовых норм и отраслей, регулирующих общественные отношения, реально складывающиеся в ходе повседневной деятельности людей по созданию, распределению, обмену и потреблению разнообразных социальных благ во всех основных сферах жизнедеятельности человеческого общества. Оно занимает исходное место в правовом регулировании, и его назначение заключается в приведении в определенный порядок прежде всего повседневной жизни общества: владение, пользование и распоряжение имуществом, его купля-продажа, трудовая и политическая деятельность, государственное управление, воспитание детей и т. д. Совокупность всех материально-правовых норм образует в правовом массиве нашей страны первичный пласт [5, с. 16].

Представители отраслевых юридических наук также не предлагают четкого критерия выделения материального права. Например, В. Н. Скобелкин определяет круг материальных норм в трудовом праве лишь посредством указания их отдельных видов, не оперируя общим критерием. Автор указывал в связи с этим следующее: «Обычно различие между ними проводится примерно так: материальные нормы устанавливают права и обязанности субъектов, подлежащие реализации, а процессуальные — порядок реализации этих прав и обязанностей. К этому иногда добавляют, что первые предоставляют права и обязанности в интересах самих субъектов, а вторые — в интересах других лиц (это относится, в основном, к правоприменяющим органам). В самой общей форме, в первом приближении такой подход можно считать приемлемым» [6, с. 105].

Структура материального права может быть рассмотрена в нескольких срезах: отраслевом (предметном) и функциональном. В отраслевом структуру материального права составляют предписания конституционного, гражданского, административного, уголовного, трудового и иных отраслей права. В функциональном все нормы материального права можно подразделить на регулятивные и охранительные. При этом следует констатировать преобладание в материально-правовом блоке именно

регулятивных предписаний. Кроме того, для большей точности функциональный анализ позволяет выделить в структуре материального права три подгруппы норм:

— регулятивные нормы материального права первичного характера, устанавливающие отправные правовые начала, права и обязанности участников материальных регулятивных правоотношений, определяющие их праводеееспособность, а также фактические основания их возникновения, изменения и прекращения;

— охранительные нормы права материального содержания, предусматривающие основания и меры юридической ответственности за нарушение первичных регулятивных норм материального права, определяющие субъектов юридической ответственности, деликтоспособность, а также основания освобождения и исключения юридической ответственности;

— организационно-процедурные нормы материального права, устанавливающие организационные начала и отдельные процедуры реализации регулятивных материально-правовых предписаний первичного характера, предусматривающие основания и порядок реализации процедурных материальных правоотношений по регистрации сделок с недвижимостью, начислению пенсий и т. д.

Материальные организационно-процедурные нормы выступают необходимым средством реализации целого ряда материальных первичных регулятивных предписаний, находятся с ними в диалектическом взаимодействии. Особенно важным полагаем подчеркнуть тот факт, что в законодательном плане подобные процедурные нормы не могут быть обособлены от соответствующих отраслей материального права.

По причине сказанного следует не согласиться с мнением В. М. Горшенева, включающего организационно-процедурные нормы регулятивного свойства не в материальное, а в процессуальное право. С точки зрения ученого, «каждая отрасль материального права, особенно при наличии в ней норм, которые не могут реализовываться без правоприменительного процесса, имеет соответствующие процессуальные нормы с самой различной степенью группировки... Они обладают определенной самостоятельностью по отношению к отраслям материального права и не входят в их содержание в качестве составных частей» [7, с. 231].

Рассматриваемая позиция не соответствует реальному системному построению нормативно-правового материала, самостоятельность организационно-процедурных регулятивных норм искусственно провозглашается автором и не

находит своего подтверждения на практике. Кроме того, следуя подобной логике, можно и вовсе довести ситуацию до абсурда, что предполагает законодательное разделение процедурных норм, например, гражданского права от основных его материально-правовых институтов (договорного права, вещного права и т. д.), их объединение в некоем отдельном, условно назовем его «нормативно-процессуальном» акте. Весь ход развития отечественного и зарубежного материального права свидетельствует об обратном — о недопустимости смешения организационно-процедурных норм материально-регулятивной направленности с процессуальными нормами охранительного назначения. При этом материальный характер процедурных норм регулятивного свойства отрицать крайне сложно и вряд ли перспективно в практическом и теоретическом плане.

При рассмотрении содержательной специфики и структурных особенностей материального права следует упомянуть о том, что нормы, составляющие основу организации судебных органов, в отличие от процедурных норм их непосредственной деятельности имеют именно материально-правовой характер. Данный вывод подтверждается отраслевыми теоретико-правовыми изысканиями. Так, в ходе анализа права граждан на судебную защиту представители науки конституционного права подразделяют его гарантии на две группы: материально-правовые, обеспечивающие необходимую системную организацию судебной власти в целях выполнения ею функций по отправлению правосудия; процессуальные инструменты реализации права на защиту в виде норм, регламентирующих процессуальную деятельность судов по рассмотрению и разрешению споров [8, с. 5]; [9, с. 6]. К материальному праву нужно относить нормы, устанавливающие основы судебной системы, принципы и гарантии судебной деятельности, а также предписания, регламентирующие правовой статус судей, компетенцию судов.

Организационно-процедурные материальные нормы по критерию их связи с правоприменением представляется целесообразным подразделять на две основные группы:

— устанавливающие обычный порядок реализации диспозиций первичных материальных правовых норм, которые не связаны с применением права (например, порядок заключения договора, процедуры вступления в наследство, порядок расторжения сделки и т. п.);

— предусматривающие процедуры позитивного правоприменения (не связанного с возложением

юридической ответственности за совершенное правонарушение), т. е. регламентирующие применение регулятивных норм материального права (например, порядок назначения и исчисления пенсии, процедуры выделения земельного участка, порядок осуществления регистрационных действий в отношении сделок с недвижимостью и др.).

Таким образом, с позиции близости к исходной социальной структуре материальным общественным отношениям, регулируемым правом, обозначенные группы процедурных регулятивных норм в большей степени «материальны» в сравнении с материальными охранительными правовыми предписаниями.

В юридической литературе поднимается вопрос о возможности выделения материальной составляющей в международном праве, что отчасти составляет определенную область для специализированного научного исследования. При самом же общем рассмотрении полагаем, что подобный ракурс видения проблемы имеет право на жизнь. Однако четкой разграничительной линии в международных правовых актах нормативного характера материальных и процессуальных предписаний часто не проводится. По этому поводу Д. М. Азми отмечает: «Деление права на материальное и процессуальное признавалось и на уровне международной правовой системы. Но при этом отраслевой состав в рамках самого процессуального блока не выделялся, так как в каждой из признаваемых отраслей норм международного права допускалась возможность наличия не только материальной, но и процессуальной составляющей. Такое видение было актуально вплоть до настоящего времени. Отражается оно и в нормативно-юридических данных международного толка» [4, с. 27]. Автор в подтверждение собственной позиции приводит пример распоряжения Правительства Российской Федерации «О подписании Договора между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей» от 6 ноября 2008 г. № 1628-р, которое содержит, в том числе, сам договор, имеющий смешанный материально-процессуальный характер. Материальные правовые предписания установлены в общих положениях договора и касаются общих вопросов сотрудничества стран в обозначенной сфере, обмена информацией. Процессуальные предписания доминируют в количественном отношении [10]. В них устанавливается сама процедура усыновления.

Конституция Российской Федерации декларирует включение норм международного права в правовую систему России, поэтому указанные предписания международного права материального характера также необходимо включать в структуру материальной составляющей системы российского права.

В завершение дадим следующую дефиницию материального права: материальное право — это целая относительно самостоятельная нормативно-правовая подсистема, объединяющая ряд отраслей права, а также нормы международного права материального характера, имеющая своим предметом непосредственного правового регулирования экономические, политические, социально-культурные и иные отношения, структурно включающая в себя регулятивные нормы первичного характера, охранительные нормы материального содержания, а также организационно-процедурные правовые предписания.

1. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юрид. лит., 1991. 143 с.

2. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М.: НОРМА, 2003. 233 с.

3. Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5—12.

4. Азми Д. М. К вопросу о системном значении и соотношении материального и процессуального права // Законодательство и экономика. 2010. № 2. С. 24—30.

5. Шагиева Р. В. Процессуально-правовые нормы и некоторые вопросы их реализации в зрелом социалистическом обществе. (Общетеоретические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1982. 174 с.

6. Скобелкин В. Н. Нормы нематериального характера в трудовом праве // Трудовое процедурно-процессуальное право: учеб. пособие / под ред. В. Н. Скобелкина. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. 504 с.

7. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.

8. Вершинин В. Б. Материально-правовые гарантии права на судебную защиту // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 5—7.

9. Вершинин В. Б., Молева Г. В. Процессуальные гарантии осуществления судебной защиты // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 6—9.

10. О подписании Договора между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей: распоряжения Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2008 г. № 1628-р // СЗ РФ. 2008. № 46. Ст. 5368.

© Донцова К. Б., 2018

1. Protasov V. N. Fundamentals of General procedure theory. Moscow: Yurid. lit., 1991. 143 p.

2. Lukyanova E. G. the Theory of procedural law. Moscow: NORMA, 2003. 233 p.

3. Polenina S. V. the Interaction of law system and legislation system in modern Russia // State and law. 1999. No 9. P. 5—12.

4. Azmi D. M. about the system value and the ratio of substantive and procedural law // the Legislation and economy. 2010. No 2. P. 24—30.

5. Shagieva R. V. Procedural-legal norms and some implementation issues in a Mature socialist society. (Theoretical problems): dis. kand. the faculty of law. Kazan, 1982. 174 p.

6. Skobelkin V. N. Norms of intangible nature in labor law // Labor procedural law: textbook / ed. by V. V. N. Skobelkin. Voronezh: Publishing house Voronezh state University, 2002. 504 p.

7. Gorshenev V. M. Methods and organizational forms of legal regulation in the socialist society. Moscow: Yurid. lit., 1972. 258 p.

8. Vershinin V. B. substantive guarantee of the right to judicial protection // The Russian justice. 2016. No 9. P. 5—7.

9. Vershinin V. B., Moleva G. V. Procedural guarantees of judicial protection // The Russian justice. 2015. No 9. P. 6—9.

10. On signing an agreement between the Russian Federation and the Italian Republic on cooperation in the field of adoption of children: order of the Government of the Russian Federation // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2008. No 46. St. 5368.

© Dontsova C. B., 2018